

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л69

Оформление серии *Д. Сазонова*

Редактор серии *О. Басова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](https://vk.com/vmirefiction)

 [read_action](https://t.me/read_action)

Логонова, Елена Ивановна.

Л69 Собачье танго / Елена Логонова. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с. — (Смешные детективы Д. Калининой и Н. Александровой).

ISBN 978-5-04-108558-2

Семья Индии Кузнецовой неожиданно для себя завела питомца — спаниеля по кличке Гуся. Но милый песик сразу убежал! Отправившись на поиски, Индия за родным домом обнаружила на лужайке в лопухах вовсе не черно-белую собаку, а чье-то абсолютно неживое тело! Но когда она срочно вызвала своего любимого, майора Кулебякина, в лопухах уже ничего не было. Просто не лужайка, а какой-то Бермудский треугольник! Но от Индии так просто не скроются ни люди, ни звери!

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Логонова Е.И., 2019

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-108558-2

Понедельник

— Ну же, Дюха, ты где? — раздраженно спросил Зяма.

Его звонок застал меня в троллейбусе, а это не лучшее место для разговоров.

Бабушки, традиционно составляющие у нас основу трамвайно-троллейбусного народонаселения, встрепенулись и уставились на меня в трогательной надежде, что я развею их вековую скуку. Одна старушка, божий одуванчик, даже шапочку набок сдвинула, освобождая ухо — позаботилась о лучшей слышимости. Шапочка на ней была летняя, вязаная крючком, такого насыщенного красного цвета, что, если бы не дырочки, бабушкина голова была бы неотличима от гигантского томата. Огненно-красные помидоры, кстати, ехали с ней в ведре. Я подивилась тому, как удачно бабуля подобрала аксессуары. Зяма бы оценил.

Ой, Зяма! Сердитое сопение в трубке напомнило мне, что братец ждет ответа, и, глядя на красную шапочку, я вполголоса ответила:

— Следую через темный лес...

— Кругом злые волки? — сам догадался Зяма. — Понял, не расспрашиваю, просто скажи, ты скоро?

— Пять минут, пять минут! Это много или мало? — напела я вместо ответа.

— Хорошая девка! — громко одобрила меня с моим классическим репертуаром та старушка, которая Красная Шапочка, Бабушка и Волк в одном лице.

Ну, вот! Я все-таки привлекла внимание аудитории. Сейчас придется драпать.

— И шо в ей хорошего? — ожидаемо включилась другая бабушка — толстая, в ситцевом халате и с палкой-клюкой. — Юбка еле-еле срам прикрывает!

— И волосы у нее зеленые! Шалава крашенная! — поддакнула предпенсионного возраста особа в лосинах и просторной футболке с чужого крутого плеча.

Вроде еще не старая, а уже с проблемным зрением — не разглядела, что зеленая у меня всего одна прядь. Зямка поутру специальным мелком намазал — для пущей гармонии с салатовой блузкой. Художник, блин. Он эстетствует, а я тут получаю... неблагоприятные рецензии маститых критиков.

В короткую юбку, к слову, меня тоже Зяма одел. Сказал — блузка слишком строгая, надо сбалансировать верх и низ. Сбалансировал! Молодые мужчины весь день полировали мои

нижние конечности неотрывными взглядами, зато старые бабушки сейчас заплюют их ядом.

— А ноги у девки красивые! — перебил старушечье ворчание мужской голос: в дискуссии отважно вступил седобородый дедуля с авоськой картошки.

Бабульки, как заржавленные зенитные орудия, со скрипом и скрежетом развернулись на звук.

— Дай вам Бог здоровычка, дедушка! — от души поблагодарила я неожиданного заступника, отступая с поля боя в конец троллейбуса.

Все, сейчас бабушки естественным образом переключатся на дедушку и забудут про меня. Приговоренного деда было немного жалко, но лучше уж пусть клюют его, чем меня. Дед, надо полагать, опытный, не исключено, что ему эта свара с бабушками заменит бодрящий душ.

Старичок и вправду держался молодцом, переругивался с бабушками весело и задорно. Похоже, все участники процесса получили удовольствие — бабки распрямили спины и заблестели глазами, дед разругался и вызывающе тряс бородой.

Какая я все-таки молодец — на пустом месте добавила пожилым людям полезного адреналина!

Сверкая самодовольной улыбкой и голыми коленками, я вышла из передвижного дискуссионного клуба «Кому за 60» на своей остановке и бодро зашагала домой. Пять минут, обещанные Зяме, уже прошли, и можно было ожидать, что братец снова начнет обрывать мне телефон. Мне не хотелось разговаривать с ним во дворе, привлекая внимание наших местных бабушек на лавочке. От них так легко, как от чужих троллейбусных старушек, не отделаешься.

В нашем подъезде умопомрачительно пахло свежей выпечкой. Я вспомнила, что папуля спозаранку ставил тесто для своих фирменных пирожков с абрикосами, творогом и миндалем, и улыбка моя сделалась еще шире и солнечнее. В другой раз я бы так и пошла, шевеля носом и мечтательно жмурясь, напрямиком к родному порогу...

Аромат свежей вкусной еды — мощное средство зомбирования! Но сегодня я удрала с работы на три часа раньше и еще не успела как следует проголодаться, а двумя этажами ниже отчего дома, в квартире Трошкиной, меня нетерпеливо дожидался Зяма. Отсутствие серьезного аппетита и наличие кое-какой совести не позволили мне променять его на вкусную еду. Хотя, положа руку на сердце, мне трудно было бы ответить на вопрос, какой из шедевров я люблю больше — папиного сына или его же пирожки.

В Алкину квартиру на пятом этаже я вошла без звона и стука, просто толкнув дверь — она была открыта, Зяма действительно ждал меня.

— Ну, наконец-то! — Братец встал на пороге комнаты, как в раме, и я залюбовалась образовавшейся картиной.

Определенно, это было достойное внимания полотно.

Двухметровый мускулистый Зяма с рассыпавшимися по плечам влажными кудрями и в одном полотенце на бедрах поразительно походил на молодого древнегреческого бога — на Аполлона, пожалуй, если бы тот немного подкачался и отрастил волосы подлиннее. Из современников к этому образу ближе всех был мой любимый Брэд Питт в «Трое», но Питта Зяма изрядно перерос.

Созерцая единокровного мне красавца, я понимала, почему дамы вешаются ему на шею, как гавайские гирлянды, и при этом твердо знала: вот эта вся брутальная роскошь — девяносто кило проблем, коварно спрессованных в привлекательную форму.

За спиной псевдогреческого бога мягкими холмами круглились разноцветные груды тряпья — подходящий фон для пасторали. Комнату щедро заливало расплавленное золото солнечного света, ветерок из распахнутых окон колыхал плети декоративной зелени, свисающие из горшков на полке, и для полно-

ты картины не хватало скачущих по тряпичным горкам белых козочек и пастушьей свирели. Ее Зяма мог бы держать в руке, она там смотрелась бы лучше, чем папины кухонные весы-безмен.

С безменом в руке в Зяме было что-то от Капитана Крюка, это несколько портило чистый божественный образ.

— Взвесил? — спросила я, сбрасывая босоножки и топая в комнату мимо посторонившегося брата.

— Десять четыреста, — ответил он с досадой. — Не знаю, что выбросить — султанский ансамбль или пляжное пончо?

— А что в ансамбле? — уточнила я, догадываясь, что речь не о песенном коллективе.

— Парчовый халат, шелковая феска с вышивкой серебром и нешлифованными аметистами и сафьяновые туфли с загнутыми носами, — добросовестно перечислил братец.

— Вы где квартировать будете? В султанском дворце? — Я оценила роскошь одеяния.

— В «Хилтоне»!

Несколько секунд я смотрела на брата, изо всех сил умиряя лютующего демона зависти.

Блин, блин, блин! Я тоже хочу в отпуск, но денег нет...

Потом я сдержанно сказала:

— По-моему, этот твой ансамблик — даже для «Хилтона» перебор. Выбрасывай.

Зяма душераздирающе вздохнул, но все же снял с верха кучи, громоздящейся в распаханном чемодане, охапку сверкающего барахла.

Закрыв чемодан, взвесил его:

— Восемь шестьсот!

— Вообще-то полкило — допустимый перевес, — напомнила я, жестами показывая братцу, что чемодан надо снова открыть. — Но не будем испытывать твою судьбу и широту души авиакомпании, уберем еще что-нибудь.

— И пусть это будет что-нибудь Алкино, — торопливо подсказал Зяма. — А то я лишился уже трех вещей, а она ни одной! А ведь мы клялись друг другу поровну делить радость и горе!

— Остаться без сафьяновых чукяков — это, конечно, большое горе, — съязвила я, сканируя взглядом содержимое чемодана. — О, вот это, по-моему, свободно можно оставить дома!

Я вытащила из чемодана обувную коробку, сплошь, как мумия, обмотанную широким скотчем. Коробочка была небольшая, из-под каких-то легоньких тапочек тридцать пятого размера, явно Алкина — только она у нас в семье может похвастаться такой миниатюрной лапкой. Хотя чем тут хвастаться, это же сущее наказание — всю жизнь находиться в поисках подходящей красивой обуви, без проблем отовариваясь только в «Детском мире»!

— А что это? — Зяма подобрал отложенную мной коробочку, осмотрел ее со всех сторон, пытливо потряс, с интересом послушал непонятное шуршание. — Да, это точно не мое!

Я кивнула. Сто процентов, это не Зямино! Зямино было бы изысканно упаковано в крафтовую бумагу, перевязано рукодельной веревочкой из натуральной пеньки и еще красной сургучной печатью пришлепнуто.

— Слушай, идеально — ровно восемь кило! — восхитился братец, повторно взвесив чемодан. — Ну, Дюха, глаз-алмаз!

И он потер ладони.

— Отлично, теперь проверим второй.

— А есть и второй? — слегка расстроилась я.

Остынут же папины пирожки...

— Ты же не думала, что нам с Алкой двоим на неделю хватит одного чемодана? — Зяма почти оскорбился. — Конечно, есть и второй!

— А если бы не скупость авиаперевозчика, был бы и пятый и десятый! — понятливо кивнула я, с легкостью вообразив себе братца в халате и чувяках во главе каравана разновеликих чемоданов. Он бы их выстроил по ранжиру, как слоников на комод, и красиво декорировал чеканным серебром и расшитыми попонками...

— Двенадцать триста, ого! — охнул тем временем Зяма, взвесив второго своего сло-

на, пардон, чемодан. — Божечки мои, что эта женщина туда напихала?!

— Этот Трошкина собирала? Так, пропусти специалиста. — Я отодвинула шокированно-го братца, прицелилась, запустила руку в угол хабаря и безошибочно нашла Алкину заначку — два тома «Войны и мира».

— Это что? — моргнул Зяма.

— Книжечки, — нервно хихикнула я. — Ты разве не знаешь, что твоя женушка на отдыхе любит почитать?

— Толстого? — Зяма произнес это так, что Лев Николаевич имел полное право обидеться. — Лежа в гамаке между пальмами? Да под Толстым гамак оборвется, а пальмы согнутся! Взяла бы лучше что-нибудь мамулино, у нее полно легковесных новинок в мягком переплете!

— Сгоняй за книжечкой.

Я одобрила неравнозначную замену на поле Льва Толстого Басей Кузнецовой, и братец, надев штаны, сбегал в родные пенаты за художественной литературой.

Пара покетбуков с зубастыми монстрами на обложках не вывела вес чемодана за пределы разрешенного, и мы с Зямой в четыре руки сноровисто упаковали багаж наилучшим образом. Собственно, именно для этого меня и позвали: я умею складывать вещи так аккуратно и эргономично, что

они занимают минимум места и почти не мнутся.

Льва Николаевича и коробку-мумию братец, недолго думая, затолкал поглубже под диван. Очень вовремя: как раз пришла Алка.

— Милая, это ты? — громко спросил Зяма, торопливо застегивая чемоданы, чтобы не оставить милой шанса обнаружить, что ее чего-то без спроса лишили.

Трошина в ответ как-то странно взвизгнула и нарисовалась на пороге в подозрительной позе «руки в боки».

А, нет, «руки за спиной». Это еще подозрительнее!

— Зямочка, ты же меня любишь? — заискивающе спросила она, неподдельно встревожив супруга.

— К чему этот странный вопрос? — Зяма заметно напрягся.

А я, умудренная опытом длительного знакомства с Алкой, проницательно спросила иначе:

— Трошкина, что у тебя там? Новый штраф за неправильную парковку? Вызов на дуэль, черная метка, окровавленный топор, камень, снятый с души у кого-то другого?

Вообще-то, все перечисленное подходило: вид у Трошкиной был виноватый и дерзкий одновременно.

— Младенец, прижитый от другого мужчины? — выдвинул свою шокирующую версию Зяма.

— Милый, какой ты умный! — льстиво восхитилась Алка, и Зяма нахмурился. — Почти угадал!

Она вывела руки из-за спины и продемонстрировала нам прелестного песика в черно-белых локонах.

— Опять собачка? — Я попыталась припомнить, которая уже по счету, но не смогла.

Трошкина всегда отличалась редкостным добросердечием. В детстве она одна усыновила больше зверушек, чем мы с Зямой на пару. И это при том, что под нашими с братцем кроватками и в нижних ящиках стенки в детской с легкостью можно было обустроить вполне приличную псарню — я знаю, мы неоднократно пробовали! К счастью, папуля с мамулей не рвались в собакозаводчики.

— Очень ладная собачка испанской породы. — Я уместно процитировала Тургенева.

— Как Муму? — Зяма тоже продемонстрировал, что читал вечную классику.

Мы, Кузнецовы, интеллигентное семейство. У нас даже свой собственный писатель имеется!

— Но-но! Почему сразу Муму? — заволновалась Трошкина, решив, что ее найденышу прочат печальную судьбу знаменитого ли-